

Письмо с фронта Г. А. Доронина жене

18/01.43

Привет, моя дорогая!

Еще один привет с фронта. Вот уже полгода прошло с того времени, как я стал воином. Три месяца на фронте, месяц упорных боев. Большая школа фронтовой военной жизни.

Каждая заметка в газету здесь достается с большим трудом, а часто и с риском для жизни. Вот один такой эпизод.

Пошел я в одно подразделение, которое с боями продвинулось вперед. Пурга. В трех шагах не видать ничерта. Идти надо было километров пятнадцать оврагами, открытой степью и кустарниками.

На краю деревни, из которой я выходил, стоят пушкари и палат мутную пургу.

-Куда же вы стреляете? Ведь не видать ни зги.

-Стреляем по заданному квадрату.

-А, что там на этом квадрате?

-Откуда мы знаем, что там находится...

Простившись с пушкарями, я с одним парнем храбро пошагал в белоснежную пелену. Прошел около километра. Много трупов еще не успевших окоченеть. Разорванные на куски лошади. Поломанная немцами техника. Явные признаки только что прошедшего боя. И стрельба со всех сторон. Случайный снаряд нашли немецкий – разорвался недалеко. Я сунулся в снег, полежал.

Где-то сбоку строчат автоматчики. Мины свистят над головой. Что там впереди, в этой беспросветной пурге? Свои или немцы?

Побрел дальше. Впереди маячит какая-то фигура. Я залег за сугроб. Оказалось, что это наш боец.

-Какая деревня впереди?

-Не знаю.

Куда эта дорога идет?

-Не знаю.

Кто там впереди стреляет, наши или немцы?

-Не знаю.

-А, что, ты вообще знаешь?

-Ничего не знаю товарищ капитан. Вот поставили здесь и стою.

Получив такие исчерпывающие данные и о противнике, и о дороге, я побрел дальше. Стрельба усиливается. Уже пули стали посвистывать кругом.

Вдруг из пурги вынырнула автомашина. Шофер везет снаряды. Я остановил машину.

-В кузове пристроиться нельзя тов. капитан. Единственная возможность – ставайте[...] на подножку. Но если спину вам прорежет очередью немецкий автоматчик – на том свете на меня не обижайтесь.

- Есть, не обижаться на том свете, тов. шофер. Давай, навертывай, дорогой мой. Я уцепился рукой на какой-то гвоздь в кабине шофера и поехал на подножке, рискуя сорваться и упасть под колесо на первом ухабе.

Через час добрались мы до деревни, только что отвоеванной у немцев. И здесь та же картина еще не остывшего боя. Трупы немцев. Догорает дом, зажженный немецким снарядом. На краю деревни рвутся мины, которые щедро раскидывает озлобленный враг. В добротном немецком блиндаже командир угощает меня шоколадом и коньяком, которые бросили немецкие офицеры, удирая из деревни...

С разными вариантами, с большим или меньшим риском это повторяется каждый день.

Посылаю тебе заключительную часть Саши Сибирякова. Здесь это произведение встречено очень хорошо.

Артисты исполняют его под гром аплодисментов. Вчера мне один майор старик говорил: я много прочел произведений художественной литературы и ни над одним не плакал, а начал читать твое произведение бойцам и не мог дочитать. Подкатился к горлу комок, глаза затуманились.

Я сам читал артиллеристам при встрече Нового года эту часть. Артиллеристы встали на ноги, сняли шапки и безмолвно слушали, особенно эпизод о героической их батарее. . И это была высшая награда для меня, за всю мою работу в литературе..

Конечно, люди здесь встречают это произведение с таким восторгом, потому что они сами пережили все это, знают людей, о которых написано. Этого не поймут редакторы в Сибири. А это произведение надо напечатать в сибирских газетах. Это отчет перед сибиряками о нашей работе, о боевых делах.

Подскажи редактору «Б.С.» (я ему послал) чтобы он написал в своей газете этот правдивый рассказ о живых людях, о подвигах и славе. За каждой строкой здесь стоит очень многое. Прочти, например, первые строки:

Написали эти строки

Мы под пулями врагов.

Не только под пулями, но и под бомбами и снарядами в самом буквальном смысле слова.

Только пока я начисто переписывал это произведение, рядом упало не менее 30 мин и снарядов. Я три раза выскакивал из машины под свист снарядов и падал в щель. А потом махнул рукой и начал писать, стараясь не думать о роковом снаряде. И все же одна мина, или снаряд упал близко. Воздушной волной выбило окно в машине. Опрокинулась касса со шрифтом, улетела куда-то чернилка...

И так за каждой строкой стоят живые дела и люди. Пусть поймет это внимательный читатель.

Новогоднюю ночь я встретил с артиллеристами. Собрались боевые друзья в большом блиндаже. Тепло. Много света. Даже чистую скатерть откуда-то добыли ребята и послали на стол. Политрук произнес хорошую речь. Потом пошли к пушкам. И ровно в полночь послали немцам ураган огня. Полили с особым азартом из всех многочисленных пушек. Потом вернулись в блиндаж и подняли не бокалы, а латунные колпачки от снарядов

и выпили за новый год, за грядущую победу. Колпачки хорошие, вместительные- грамм по триста. Потом я читал Сашу Сибирякова. Потом пели наши разные сибирские песни... А немец бесновался, сыпал снарядами в нашу сторону, отвечал на новогодний привет. Колебалась, дрожала земля. Сыпалась разная дрянь с потолка на чистую скатерть. Но могучая песня заглушала разрывы снарядов. Эту песню победы мы еще споем в 43 году, когда разгромим до конца немецкую сволочь. Разгромим обязательно.

Что-то писем опять от тебя не стало. Трудно тебе написать? Времени нет? Настроенья нет?

1983 полевая почта Г. Доронин

Часть 12

Капитану Г.А. Доронину 18 января 1943 г.

ГКУ КО «ГАКО». Ф. Р-1167. Оп.1. Д.18. Л.12-14. Копия. Рукопись. Чернила.